

М.Б.Кетенчиев

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале фольклорных и публицистических текстов)**

Нальчик - 2009

УДК 415.6=943.12
ББК 81.02:81.60
К – 37

Рецензент:

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора балкарского языка Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН **Аппоев А.К.**

Кетенчиев М.Б. Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке (на материале фольклорных и публицистических текстов). – Нальчик: Изд-во КБГСХА, 2009. - с.

Работа посвящена основным вопросам структурно-семантического анализа простых предложений в карачаево-балкарском языке. В результате изучения их формы и содержания дается целостная картина, отражающая взаимодействие и взаимовлияние этих сторон синтаксических единиц. В основу анализа предложения положена семантическая классификация предикатных лексем. Выявляются и описываются способы репрезентации, системные отношения и функциональные особенности предикатных слов.

Работа предназначена для широкого круга лингвистов – научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов, учителей средних школ, студентов-филологов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ГЛАВА 1. Теория простого предложения в современной лингвистике	
ГЛАВА 2. Модели простого предложения	
2.1. Предложения с предикатами, выраженными именами существительными..	
2.2. Предложения с предикатами, выраженными именами прилагательными	
2.3. Предложения со сказуемыми, выраженными предикативами.....	
2.4. Предложения с глагольными предикатами.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ЛИТЕРАТУРА	

ВВЕДЕНИЕ

Систематическое изучение карачаево-балкарского языка началось лишь в начале 60-х годов XX в. За это время карачаево-балкарское языкознание обогатилось значительным количеством монографий. Среди них можно отметить и работы, посвященные синтаксису. В первых исследованиях особое внимание уделялось проблемам грамматического членения предложения (Ахматов 1968; Алиев 1973). В этих и других синтаксических исследованиях в достаточной степени освещены вопросы, связанные с традиционной классификацией типов простого предложения. В последующем, в связи с изменением парадигмы науки о синтаксисе, карачаево-балкарские лингвисты больше внимания начали уделять вопросам структурно-семантического анализа простого предложения, о чем свидетельствуют работы И.Х.Ахматова (1983), М.Б.Кетенчиева (2000), С.М.Хуболова (2002), А.Т.Додуевой (2003). Такого плана работы появились и на материале других тюркских языков: татарского (Закиев 1995), алтайского (Тыбыкова 1991), башкирского (Тикеев 1999), шорского (Телякова 1994) и др. Многие из них носят лексемоцентричный характер. Таким образом, синтаксисты-тюркологи вплотную подошли к разработке теоретической концепции, понятийного аппарата, методики и программы, предусматривающей последовательное решение разных конкретных задач, которые нашли свою реализацию в указанных и других исследованиях (Черемисина 1995:64).

Современное состояние тюркского языкознания выдвигает на повестку дня изучение взаимодействия семантической и синтаксической структуры предложения, в том числе и именного, закономерностей построения, соотношения экстра- и внутрilingвистических факторов. Это свидетельствует в пользу того, что сдвиг интересов от чистого синтаксиса к семантике есть заметное явление в лингвистике наших дней. Оно не только не утратило своего значения, но и продолжает развиваться.

Языковедческая наука на данном этапе развития включает в себя и то, что ранее считалось “не лингвистикой”, т.е. отмечается значительным расширением сферы интересов. Язык рассматривается в своей погруженности в жизнь. В семантических исследованиях последних лет красной нитью проходит мысль о том, что понять сущность языка представляется возможным лишь исходя из человека и окружающей его действительности. Языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением, деятельностью лица.

Перечисленные проблемы непосредственно касаются и именных предложений карачаево-балкарского языка, предопределяя тем самым детальное рассмотрение их во всех слагаемых, чем и обуславливается **актуальность исследования.**

Цель исследования. В настоящей работе ставится цель – рассмотреть основные модели простых предложений, функционирующих в сфере публицистики и фольклора на материале карачаево-балкарского языка, выявить закономерности, которыми определяются их структура и семантика.

Методологической и теоретической базой исследования явились труды ученых, занимавшихся проблемами предложения и его семантики как в общетеоретическом плане, так и на материале отдельных языков.

В ходе исследования означенной проблемы мы опирались на лингвофилософские концепции современных языковедов, которые определяют пути развития языкознания. В центре внимания ученых различных отраслей науки стоит человек и все, что его окружает: “Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу и другому человеку (Другому). Он передал языку свое игровое начало и свою способность к творчеству. Человек запечатлел себя в именах природных объектов, внося в них утилитарную и эстетическую оценки. Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и семантике – семантике слова, структуре предложения и организации дискурса” (Логический анализ языка ... 1999:3).

Методы исследования обусловлены намеченными подходами к описанию простого именного предложения - системоцентрическим, лексемоцентрическим, в некоторой степени и антропоцентрическим. Исследование проводится в основном в синхронном описательном плане с использованием методов сопоставительного, контекстуального, компонентного и дистрибутивного анализа.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Отечественное языкознание на современном этапе характеризуется обилием лингвистических теорий. Особенно интенсивному развитию подвергается синтаксис. В последние годы все большее внимание уделяется тексту. Однако простое предложение есть и остается основной синтаксической единицей, ибо оно занимает центральное место в синтаксисе любого языка. Этим в значительной степени обусловлено значение синтаксического анализа простого предложения при обращении к проблемам синтаксиса.

Анализ специальных лингвистических исследований показывает, что в работах, в которых изучению подвергается простое предложение, можно заметить рост количества дифференциальных признаков при характеристике предложения и его конstituентов. Так как предложение и его составляющие являются многоаспектными языковыми единицами, выделяется ряд системных оппозиций, которые связаны между собой переходными явлениями. Различие аспектов единиц синтаксиса следует признать как одно из значительных достижений современной синтаксической теории.

Различными исследователями по-разному выделяются аспекты предложения. В.Г.Адмони говорит о логико-грамматическом, модальном, познавательной установки говорящего, коммуникативной цели, эмоциональном аспектах предложения (Адмони 1968:232-291). Реляционный и предикационный аспекты различает И.П.Сусов (Сусов 1980). Н.Д.Арутюнова рассматривает номинативный и коммуникативный аспекты (Арутюнова 1976). Чехословацкие лингвисты, обращаясь к типологии простого предложения, общепринятыми в синтаксической науке признавали три разновидности устроенности предложения: 1) конструктивно-формальную, 2) коммуникативную и 3) семантическую (Гладров 1984:36). Обращение к современным теориям и к русской классической синтаксической теории дает возможность выделить четыре основных аспекта единиц синтаксиса: структурный, логический, семантический и коммуникативный (Грамматика-80).

Указанные аспекты предложения различаются и в тюркских синтаксических исследованиях, о чем свидетельствуют многочисленные работы. Многие труды, в которых описываются различные синтаксические единицы, ориентированы в основном на конструктивный (формальный) синтаксис. В 80-е же годы в тюркском языкознании наблюдается активизация структурно-семантического членения предложения, что продолжается и сейчас. По мнению М.З.Закиева, важное место в познании семантической и синтаксической структуры простого предложения занимает исследование проблем его членения. Им выделяются грамматическое, структурное, семантическое, синтагматическое и коммуникативное членения предложения (Закиев 1995). Таким образом, предложение, являясь основной единицей синтакси-

са, носит полиаспектный, многоплановый, многоуровневый характер и обладает определенной формальной и смысловой структурой, а также определенным коммуникативным значением, которое отражается его актуальным членением.

Предложение в языке традиционно рассматривается с разных сторон. История лингвистики показывает, что при изучении простого предложения одни исследователи исходили из формальных критериев, а другие уже давно осознали, что изучение синтаксических структур невозможно без учета их смысловой стороны. Обзор имеющейся литературы показывает, что, начиная с 60-х годов XX в., проявляется повышенный интерес к проблемам семантики в языкознании. Особый интерес вызывают у исследователей проблемы семантики предложения. Они занимают центральное место во многих исследованиях. Усилиями их авторов в синтаксическую науку введены такие понятия, как “формальная структура предложения”, “семантическая структура предложения”, “обязательные и факультативные члены предложения”, “номинативный минимум предложения” и т.д.

В современных работах, связанных с исследованием смыслового содержания предложения-высказывания, можно заметить две противоположно направленные тенденции. Одна из них состоит в том, чтобы насытить семантическое описание максимально. В него включаются все знания о мире, аккумулированные в значениях входящих в высказывание единиц, а также все то, что передается данным высказыванием в пределах коммуникативного взаимодействия. Это так называемый “радикально-семантический” подход, или “семантицизм”. Другая же тенденция предполагает максимальную разгрузку семантического описания. Из него удаляются все “энциклопедические” сведения, а также все то, что имеет какое-либо отношение к функционированию высказывания как единицы общения (Булыгина, Шмелев 1997:8).

Исследователи семантики простого предложения исходят из признания того, что оно имеет как формальную, так и смысловую структуру, взаимодействие которых представляет собой сложный процесс. Учет их важен для адекватного его описания. При этом признается то, что исследование лексических и грамматических значений полностью подчинено задаче описания семантики предложения в целом. Такой двусторонний характер имеют не только предложения, но и другие языковые единицы. При их изучении необходим учет формы и содержания. Целесообразность такого диалектического подхода к языку уже давно осознается лингвистами. Решение этой задачи особенно важно для тюркологии, в которой в основном отдается дань традиционному описанию языка.

Соотношение между формой и содержанием предложения сложно и неоднозначно. Хотя форма и содержание его соотносятся друг с другом, между ними нет полной симметрии, параллелизма. Асимметрия, т.е. несоответствие “плана выражения (формы) и плана содержания (значений)” - одна из причин сложностей теоретического осмысления языкового материала. Тем не менее, при изучении пред-

ложения необходимо исходить из принципа единства формы и содержания, которые диалектически связаны между собой.

Между формой и содержанием синтаксических конструкций не существует четкой, определенной границы, ибо синтаксис по своей сути семантичен. Исследовать предложения, не обращаясь к их семантике, “это все равно, что изучать дорожные знаки с точки зрения их физических характеристик” (Вежбицкая 1999:3). По этой причине в целях адекватного описания предложения необходимо учитывать и его смысловую сторону.

О семантизации лингвистических исследований свидетельствуют многие работы, опубликованные в последнее время. При этом появляются и дискуссионные вопросы, что проявляется и в различных подходах к анализу смысла предложения. Как справедливо отмечает Н.Д.Арутюнова, наиболее широкое распространение получила денотативная, или референтная, концепция семантики предложения (Арутюнова 1976:6). Считается, что указанная концепция определяет отношения между высказыванием (предложением) и отражаемой им внеязыковой ситуацией. Согласно этому подходу, описанию семантики предложения предшествует определение понятия ситуации и классификация ситуаций, каждой из которых ставится в соответствие определенная семантическая структура или семантическое представление, т.е. указанная теория ориентирована на экстралингвистический мир.

В изучении семантики синтаксических единиц возможны разные подходы. С одной стороны, можно идти по пути анализа готовых языковых форм и, наблюдая их поведение, поставить вопрос о том, какова их семантика. С другой же стороны, представляется целесообразным выделить заинтересовавшее нас определенное значение, а затем обратиться к тем же реальным единицам языка, могущим выразить и передать его.

В лингвистике налицо тенденция противопоставления семасиологии и ономазиологии. Однако они являются двумя взаимосвязанными разделами семантики, основной задачей которой признается исследование значений языковых знаков. Говоря о равноправии отмеченных подходов в грамматике, В.С.Храковский подчеркивает, что описание “от смысла к форме” логически предшествует описанию “от формы к смыслу”, так как “кодирование говорящим в своей речевой продукции определенного смыслового содержания начинается раньше, чем его декодирование слушающим. В то же время описание “от формы к смыслу” эмпирически и исторически предшествует описанию “от смысла к форме”, ибо именно формы, а не смыслы даются исследователю в непосредственном наблюдении” (Храковский 1985:67).

Выбор пути анализа языковых единиц нередко предопределяется целью и задачами исследования. Думается, что наибольший эффект ономазиологический подход дает при изучении отдельных функционально-семантических категорий. Этот подход “в конечном итоге, если он доведен до своего логического конца, сти-

рает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений” (Гак 1985:14).

Ономасиологическая грамматика межуровневого типа в отечественном языкознании активно разрабатывается А.В.Бондарко и его группой. А.В.Бондарко исходит из положения о том, что для репрезентации одной и той же ономасиологической категории в процессе речевого акта коммуникант использует единицы, относящиеся к различным уровням языка: “В конкретном акте речи морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические элементы переплетаются и взаимодействуют, включаясь в выражение смысла высказывания” (Бондарко 1981:493).

В семантических исследованиях постоянно затрагивается вопрос о роли семасиологического и ономасиологического аспектов в функциональном подходе к языковым явлениям. Если при семасиологическом подходе анализу подвергаются функции языковых форм, то ономасиологический подход предполагает разработку функционально-ономасиологической грамматики языка. Анализ лингвистической литературы показывает, что функциональной признается именно ономасиологическая точка зрения. В.Г.Гак пишет о том, что все чаще говорят об ономасиологии как о функциональной лингвистике. Но, по его мнению, “подлинно функциональным является в первую очередь семасиологический подход, потому что он изучает функции языковых форм. И если ономасиологический подход трактуют как функциональный, то это, по-видимому, потому, что он делает упор на коммуникативную значимость языковых форм” (Гак 1998:200).

Многие синтаксисты-тюркологи при анализе предложения считают более приемлемым идти от формы к содержанию, поскольку содержание в языке представлено не иначе как в тех или иных языковых формах, естественно, наблюдение и измерение его необходимо начинать именно с языковой формы. Это позволяет проследить процесс лексического наполнения “мест” формальной структуры предложения, что в свою очередь помогает установить закономерности взаимодействия лексики и семантики. Анализ предложения от формы к содержанию обусловлен прежде всего тем, что оно имеет самостоятельное значение и представляет собой формально организованную единицу.

Обращаясь к данному вопросу, мы не можем не принять во внимание следующее меткое замечание М.З.Закиева: “Итак, синтаксис, как часть грамматической науки, ведет исследование системы строения речи в двух направлениях: 1) от формы к содержанию, от синтаксических средств (членов предложения, средств связи, порядка слов, просодических элементов, редупликации, конситуации и т.д.) к их значению; 2) от содержания к форме, от значений к средствам их выражения. Эти два направления должны всегда дополнять друг друга, только при этом условии синтаксису как науке удастся адекватно описать систему строения речи. Увле-

чение лишь одним из направлений изучения строения речи обычно приводило к отрыву содержания от формы, синтаксических значений от синтаксических средств” (Закиев 1995:11).

Синтаксисты до сих пор ограничивались изучением в основном глагольных предложений. Что же касается вопросов, связанных с выявлением и описанием формально-семантической структуры именных предложений, то они пока изучены недостаточно. Правда, в последние годы начали появляться исследования, посвященные именным предложениям. Они занимают большое место в языке, и их формально-семантический анализ представляет значительный интерес для лингвистики. В выполнении этой задачи большая роль отводится понятию валентности. Это объясняется тем, что форма и содержание предложения определяются валентностью его предиката и характером лексического наполнения открываемых им синтаксических позиций, т.е. именные предложения, как и глагольные, имеют свою валентностную структуру (рамку). В пользу этого говорят различные исследования. Например, М.Д.Степанова и Г.Хельбиг считают, что основным носителем валентности в предложении является предикат в целом (Степанова, Хельбиг 1978:187).

За последние десятилетия в отечественном и зарубежном языкознании можно заметить рост исследований по теории валентности. В лингвистике под валентностью подразумеваются основные закономерности синтагматических связей языковых единиц, их необходимое или возможное контекстуальное окружение. На данном этапе развития языкознания у теории валентности сложилась своя разработанная терминология и она (валентность) получила статус современного общенаучного понятия.

В отечественном языкознании появление термина “валентность” связывается с именем С.Д.Кацнельсона, который определяет ее как “свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами” (Кацнельсон 1948:132). В начале 50-х годов прошлого столетия теория валентности разрабатывается Л.Теньером, который рассматривает ее на примере глагола. Число актантов, которыми может управлять глагол и считается у него валентностью (Теньер 1988:250). В настоящее время опубликованы работы, в которых проводится обзор развития и становления теории валентности (Филичева 1967; Степанова 1973). Знакомство с ними показывает, что в теории валентности весьма существенными и спорными признаются вопросы, связанные с разграничением валентности и сочетаемости, факультативной и обязательной валентности, ее уровней, с соотношением значения слова и его валентности и ряд других.

При изучении валентности и сочетаемости слова наметились два основных направления. Одни лингвисты исходят из того, что валентность и сочетаемость слов - понятия идентичные (Степанова 1973), другие же считают, что это тесно связанные между собой различные понятия (Лейкина 1961:11-15). Мы придерживаемся последней точки зрения.

Существуют три уровня валентности - логическая, семантическая и синтаксическая. Они определяются следующим образом: “логическая валентность - это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями, семантическая валентность выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов (признаков, сем); синтаксическая валентность предусматривает обязательную или факультативную заполняемость открытых позиций определенного числа и вида, различную в разных языках” (Степанова, Хельбиг 1978:157).

В структуре суждения логическим отношениям соответствуют семантические отношения внутри предложения. Так как между валентностью логической и валентностью семантической имеется смысловая связь (близость), то их целесообразно подвести под понятие логико-семантического уровня валентности. Синтаксический уровень валентности предопределяется логико-семантическим уровнем валентности и реализуется в предложении на основе его грамматической правильности. Содержательную и формальную валентность разграничивает и С.Д. Кацнельсон, который отмечает, что содержательная валентность глагола с типологической точки зрения универсальна и зависит от глагольного значения. Глагольная лексема открывает “вакантные позиции”, подлежащие заполнению, формальная валентность определяет форму выражения слов, занимающих открытые позиции, и варьируется от языка к языку (Кацнельсон 1972:47). С.М.Кибардиной предпочтение отдается семантической теории, основным положением которой является непосредственная связь валентности глагола с его лексическим значением (Кибардина 1988:4). Таким образом, можно сделать вывод, что большинство лингвистов исследование валентности связывает с ее семантической обусловленностью и различает два или три уровня валентности, соотношение между которыми сложно и неоднозначно.

Разграничение обязательной и факультативной валентности является одной из важных проблем синтаксиса, и она не раз становилась предметом обсуждения. Ее решение помогает установить завершенность или незавершенность синтаксической структуры предложения, связь смысла предложения с его лексическим наполнением. В языкознании встречается различное понимание структурной обязательности компонентов предложения. Е.А.Иванчикова (1965:85) пишет, что “структурная обязательность проявляется в том, что данный элемент синтаксической конструкции обладает потенциальной синтаксической валентностью и требует для реализации этой валентности (т.е. завершенности данной конструкции) обязательного присутствия определенной формы слова, словосочетания или предложения”.

Г.Г.Почепцов выступает против того, чтобы считать “потенциальную синтаксическую валентность” признаком структурной обязательности, так как это характерно и для структурной факультативности. У него понятие факультативной валентности сводится к тому, что “присутствие одного элемента делает лишь возможным, на основе его валентных свойств, наличие другого элемента, не предо-

пределяя, однако, его употребления” (Почепцов 1971:72). Если опустить элемент обязательного окружения, то он, как правило, восстановим из контекста, очевиден из ситуации. Подобные элементы предложения находятся в кругу мысли говорящего (и слушающего), поэтому не могут быть опущены без ущерба для смысла предложения.

Особый интерес представляет для лингвистов проблема факультативной валентности. С.Кароляк выделяет у глагола *писать* пять аргументов: 1) название исполнителя действия, 2) название вспомогательного предмета (инструмента), 3) название места, на котором ставятся знаки (буквы и буквенные сочетания), 4) название содержания текста, 5) название производимых знаков (Кароляк 1974:152). Полное предложение можно представить так: *Петр пишет записку на бумаге буквами авторучкой*. Его компоненты *буквами, на бумаге, авторучкой* можно признать факультативными. Однако в анализируемой конструкции отсутствует адресат.

Ю.Д.Апресян выделяет у того же глагола два значения: сложное и простое. Если брать сложное значение, то предикат в предложении шестивалентен, т.е. к выделенным выше пяти значениям добавляется и адресат. Если же брать простое, то предикат трехвалентен. При этом мы имеем следующее предложение: *Он пишет другу письмо*. Он полагает, что здесь более приемлемым является второе мнение. По его мнению, нельзя сформулировать общего правила определения валентности подобных глаголов, и в разных случаях необходимо выбирать разные варианты (Апресян 1974:123-125). В приведенных примерах валентность предиката зависит от “угла зрения” участника речи.

Рассмотрим предложение **Жаш игиди** “*Парень в хорошем состоянии*”. Оно является полным, законченным и передает значение состояния личного субъекта. Однако прилагательные нередко открывают и объектные позиции, замещаемые существительными и их субститутами в дательно-направительном и исходном падежах. При этом смысл конструкций меняется, так как в них реализуются различные объектные значения (отношения, сравнения и т.д.): **Ол санга игиди** “*Он к тебе хорошо относится*”; **Азиз Асхатдан игиди** “*Азиз лучше Асхата*”. Данные построения можно усложнить за счет других компонентов со значением объекта и причины, но они могут быть факультативными: **Ол санга кесини малларын кютгенинг ючюн игиди** “*Он к тебе хорошо относится из-за того, что пасешь его скот*”; **Ол сенден эсе манга игиди** “*Он относится ко мне лучше, чем к тебе*”.

На уровне предложения опущение обязательного члена предложения приводит к его неграмматичности и смысловой незаконченности, тогда как при опущении факультативного члена этого не наблюдается.

Разграничение обязательности и факультативности аргументов предиката, установление номинативного минимума предложения тесно связаны с моделированием предложения. Для выявления и формально-семантической характеристики моделей предложения необходимо определить факультативные и обязательные

компоненты, установить минимум структурной схемы предложения и изучить лексическое наполнение его синтаксических позиций. Решая эти задачи, при изучении предложения большее внимание, на наш взгляд, целесообразно уделить отношениям между его семантической и формально-грамматической структурой. Подобное описание синтаксических единиц вызывает различные трудности, вызванные несимметричным характером отмеченных отношений. Два предложения, имея одинаковое значение, могут различаться формально-грамматической организацией и наоборот, одна и та же семантика может передаваться предложениями различной структуры. Учет этого позволяет говорить о формальной и смысловой структуре предложения, которые могут быть изучены отдельно и во взаимосвязи.

Выявляя формально-семантические модели предложения, мы обращаемся к его грамматической и семантической структуре. Это помогает более детально определить соотношения между семантикой предложения и формой его выражения, мышлением и внеязыковой реальностью. Формальную и семантическую структуру предложения необходимо сначала изучить расчлененно. При таком подходе семантика предложения квалифицируется как производное от его структурной схемы. Общее значение предложения складывается из смысла его структурной схемы и значений, входящих в нее слов. В ряде случаев данная семантика трактуется как “общее значение множества предложений, представляющих данную модель” (Золотова 1973:25). Ее нередко называют типовым значением структурной схемы.

При структурно-семантическом анализе предложения возникает необходимость обращения к понятиям “формальная (структурная) схема предложения”, “семантическая структура предложения”, “формально-семантическая структура (модель) предложения”, “семантика (смысл) предложения”. Предполагается исходить из того, что формальная схема предложения представляет собой “последовательность форм слов, которая отображает структуру информации, выражаемой предложением” (Ломтев 1979:56). Семантическая структура предложения создается взаимодействием его семантических компонентов. Она не простая сумма, входящих в предложение единиц, организованных на определенной основе. Семантическая структура предложения - это сложное языковое явление, “организованный на предикативной основе смысловой комплекс, представляющий собой результат взаимодействия семантических компонентов и отражающий взаимосвязь типизированных элементов предложения” (Арват 1984:33).

Понятие “модель” уже давно фигурирует в других отраслях науки: в математике, социологии, механике и др. Оно уже нашло свое место и в языкознании, в системе современных общенаучных понятий и получило “права гражданства”. Модель предложения в самом общем виде представляет собой ту же структуру предложения, репрезентируемую при помощи различных знаков. “Структура предложения, представленная в виде специальных символов, является формулой структуры предложения, или иначе, моделью предложения” (Ломтев 1979:61).

Модель понимается как отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных предложений. Но в методике их выделения и описания имеются расхождения. В силу универсальности человеческого мышления в разных языках в семантическом отношении могут быть одинаковые типы моделей предложений, но в силу специфики их выражения, грамматического строя в каждом языке набор моделей уникален (Почепцов 1971:53). Это свидетельствует о важности, актуальности и к тому же трудности выявления и описания моделей простого предложения языка. В лингвистике наличествует значительное количество теорий моделирования. Это объясняется тем, что критерии определения обязательного структурного минимума, количество моделиобразующих компонентов модели, способы описания модели и к тому же количество моделей у одной конструкции весьма разнообразны.

Среди лингвистов пока еще нет единого мнения в вопросе о минимальной схеме предложения. В понимании минимума предложения наметилось два направления. Одни лингвисты определяют структурную схему как “предикативную основу”, “предикативный минимум” предложения, другие же - как его “номинативный минимум”.

Понимание структурной схемы предложения как его предикативной основы представлено в работах Н.Ю.Шведовой (Шведова 1966 и др.). Такой подход к решению рассматриваемой проблемы не позволяет включить в структурную схему предложения не только факультативные, но и обязательные распространители, с чем нельзя согласиться.

О необходимости включения второстепенных членов предложения в структурную схему предложения пишут многие лингвисты. Так, В.В.Бабайцева считает, что нет полного параллелизма между семантическими компонентами и членами предложения. В предложении *Дом строится плотниками* значение деятеля выражается дополнением, хотя в большинстве случаев оно выражается подлежащим. Ср.: *Плотники строят дом*. Исходя из подобных фактов языка, она приходит к выводу о необходимости включения второстепенных членов предложения со значением деятеля, носителя признака, носителя состояния в структурную схему предложения и признания их структурно обязательными элементами предложения (Бабайцева 1983:14).

Наряду с моделью предложения В.Г.Адмони вводит понятие его структурно-смыслового ядра. В это ядро включаются не только главные члены предложения, но и такие второстепенные члены, которые в структурно-смысловом отношении тесно связаны с главными (Адмони 1972:50).

В своих работах Г.А.Золотова оперирует понятием “модель предложения”. У нее модель определяется как “минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением”. В русском языке она различает однокомпонентные,

двухкомпонентные и трехкомпонентные модели. Далее автор развивает это положение, и главный упор в определении роли главных компонентов модели делается на их необходимость и достаточность для существования самой модели без опоры на контекст (Золотова 1982:98-99).

В тюркском языкознании также имеется близкое к этому понимание модели элементарного простого предложения (ЭПП). ЭПП признается как “предложение, не содержащее компонентов, устранение которых сделало бы фразу структурно-семантически недостаточной” (Черемисина 1995:63).

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что формально-семантическая модель предложения не может быть построена только на основе его главных членов. Однако вопрос о том, какие из второстепенных членов предложения являются обязательными его элементами, пока остается спорным. Это касается в первую очередь вопроса о том, относятся обстоятельства к моделиобразующим членам предложения или нет. Н.Ю.Шведова не вводит их в структурную схему предложения (Шведова 1968). Она говорит о так называемых детерминирующих членах предложения (детерминантах), которые, по ее мнению, являются субъектными, объектными и обстоятельственными распространителями предложения.

Полное развитие учение о детерминантах нашло в “Русской грамматике”, авторы которой не относят детерминанты к необходимым компонентам структурной схемы. Однако в ней можно встретить и случаи включения их в состав модели предложения (РГ, т.2:300 и далее). Это говорит о нечеткости разграничения “распространителей модели предложения и компонентов, организующих модель” (Золотова 1982:152).

Принято считать, что актанты являются обязательными, сирконстанты же (указатели места, времени, причины, условия и т.д.) - факультативными членами модели предложения (см., например, работы Н.Ю.Шведовой). Нельзя безоговорочно с этим согласиться, так как сирконстанты могут быть обязательными и входить в формально-семантическую структуру предложения. Ср.: **Алий юйге кирди** “Алий вошел в дом”; **Хамит элде жашайды** “Хамит живет в сельской местности”. В этих предложениях сирконстанты обязательны, потому что при их опущении предложения станут явно неполными и информативно недостаточными. Этого нельзя сказать о сирконстанте **школда** “в школе”, употребленном в предложении **Аслан школда анга письмо жазады** “Аслан в школе пишет ему письмо”. Кроме того, в языке получили широкое распространение конструкции со сказуемыми, выраженными именами и их субститутами в пространственных падежах (дательном-направительном, местном, исходном). Они, предикативно оформившись, являются синонимами по отношению к глагольным предложениям с соответствующей семантикой. Каждый из сказуемых совмещает в себе значение локального конкретизатора и глагола движения или местонахождения: **Мен таугъама // Мен таугъа барама** “Я иду в горы”. Такие факты показывают, что обстоятельства (сирконстан-

ты, семантические конкретизаторы) могут быть необходимыми и факультативными элементами предложения.

Как показывает материал языка, семантические конкретизаторы характеризуют непосредственно предикативный признак. Исследователи выделяют разное количество их семантических разрядов. А.С.Сафаев, например, в узбекском языке выделяет обстоятельства образа действия, места, времени, цели, причины, меры и степени, условия, уступительные и уподобления (Сафаев 1968:128). В карачаево-балкарском языке выделяются конкретизаторы локальные, темпоральные, причины, цели, ситуации, функции, образа действия, меры и степени, соответствия (Ахматов 1983:93).

Семантический атрибут, как и семантический конкретизатор, является зависимым компонентом семантической структуры предложения. В лингвистике принято считать, что атрибут не является валентностным компонентом структуры предложения. С этим мнением нельзя не согласиться. Однако он может носить облигаторный характер. Согласно В.С.Юрченко, для современного языкознания проблема атрибута едва ли не важнее проблемы предиката. Атрибут представляется амодальным членом синтаксической конструкции, поскольку не включен в сферу действия объективной модальности, выражаемой глагольным предикатом. Значит, он изначально является элементом структуры словосочетания. Но “корни” атрибута лежат в предложении. Он является не только “деградированным сказуемым, у него есть своя “экологическая ниша” в структуре предложения (позиция слева от предмета)” (Юрченко 1993:34).

В карачаево-балкарском языкознании указывается на то, что семантический атрибут обозначает непредикативный признак понятия, функционирующего как семантический субъект, объект или конкретизатор. В его системе выделяются следующие разновидности: качественный, количественный, относительный, притяжательный, локальный, темпоральный и процессуальный атрибуты, каждый из которых имеет свои подкатегории (Ахматов 1983:94).

Указанные семантические компоненты конструкции варьируются и в других тюркских языках. Так, М.З.Закиев говорит о наличии в татарском языке атрибутов принадлежности, отношения, признака, присутствия/отсутствия, меры и степени. Каждый из них расписывается подробно. Им представлены следующие разновидности атрибутов принадлежности: принадлежность имущественная, определенному месту, времени, родственная, предмета объекту, предмета исполнителю, части целому, материала предмету (Закиев 1995:298).

Семантические атрибуты выполняют различные функции в системе предложения. Некоторые из них выполняют указательную функцию. Это характерно для атрибутов местоименного характера: **Аллай жашла кёпдюле халкыбызда** “*Таких ребят много у нашего народа*”. Они обычно обозначают те признаки понятий, которые аккумулируются в памяти как слушателя, так и говорящего или же они бу-

дуг определены, пояснены для слушателя (читателя) в последующем. Значительным функциональным потенциалом обладают и атрибуты, выражающие отдельные качества и свойства предметов: **Сууукъ кюнле кыш аслам болуучудула** “Холодных дней много бывает обычно зимой”. Атрибуты могут иметь и событийный тип значения, выражая при этом свернутую пропозицию и воспроизводя целое событие: **Узакъдан аны ачыуланган ауазы эшитиледи** “Издалека слышен его сердитый голос”. Выделение указанных и других значений атрибутов возможно при учете их связи с внелингвистическими факторами.

Как известно, определение существует в предложении только наряду со своим определяемым. Н.К.Дмитриев группу слов “определение - определяемое” не вводит в структурную рамку предложения (Дмитриев 1961:28). Этому же мнению придерживается и Н.А.Баскаков. В иерархии членов предложения у него определение занимает последнее место. Он считает, что смысл предложения не изменяется при изъятии из него определения, а только теряет конкретность тех понятий, о которых идет речь (Баскаков 1961:66). Вместе с тем необходимо учесть, что в языке встречаются и такие предложения, в которых атрибут невозможно опустить без ущерба для их смысла, информативной достаточности: **Ухолну орта орамы тикди** “Срединная дорога Ухола крутая”; **Тебердини агъачы кёпдю** “В Теберде много леса” и т.д.

Атрибуты можно разделить на две группы: притяжательные и непритяжательные. Притяжательный атрибут выражается лексическим, морфологическим или лексико-морфологическим способом: **Мени эрим урушдады** “Мой муж на войне”; **Сени насыбынг мени кьолумдады** “Твое счастье в моих руках”. При опущении притяжательных определений эти предложения не теряют своего смысла, информативной достаточности, так как в них при этом сохраняются морфологические средства выражения обладателя. Однако невозможно опущение притяжательного определения, выраженного местоимением 3-го лица: **Устазны жолу школгъады** “Дорога учителя в школу”. Анализируя такие факты, мы приходим к выводу о том, что атрибуты в структуре предложения могут быть необходимыми и факультативными.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что семантический конкретизатор и семантический атрибут в определенных случаях могут быть, наряду с семантическим предикатом, семантическим субъектом и объектом, облигаторными членами семантической структуры (модели) предложения. Такие конститuentы предложения принято называть моделиобразующими, а факультативные компоненты предложения - немоделиобразующими.

Опираясь на вышеуказанные теоретические положения, мы выявляем и описываем основные типы формально-семантических моделей простых предложений карачаево-балкарского языка, их структуру и семантику, что, безусловно, имеет большое научное и практическое значение.

Важное значение имеет и обращение к проблемам парадигматики простого предложения. В языкознании парадигма предложения признается универсальным лингвистическим понятием. В рамках синтаксиса обращение к парадигме вызвано тем, что лингвисты стремятся представить ряды синтаксических построений как трансформы, видоизменения одной конструкции в связи с изменением синтаксических значений.

Намечены две дефиниции парадигмы предложения - широкое и узкое ее толкование. Относительно первого выделяются в основном три разнородных компонента парадигмы. Во-первых, учитываются все существующие видоизменения предложения, имеющие внутрисхемный характер: **Мен китап окъуй-ма** “Я читаю книгу”; **Мен китап окъудум** “Я прочитал книгу”; **Мен китап окъурукъма** “Я прочитаю книгу” и пр. Во-вторых, рассматриваются все значимые системные противопоставления конструкций одной формальной модели конструкциям, которые имеют совсем другую структурную модель: **Мен юй ишледим** “Я построил дом”; **Юй мени хайырымдан ишленди** “Дом построен благодаря мне”. В-третьих, обращается внимание на противопоставленность конструкций определенной формальной устроенности или же их частей: **Мен отун жардым** “Я расколол дрова”; **мени отун жаргъаным** “раскалывание дров мною” и др. Узкая трактовка парадигмы предложения зиждется на понятии формы предложения и вбирает в себя четко очерченный круг тех изменений, которые возможны в пределах одной формальной схемы конструкции.

Можно сказать, что, с одной стороны, в целях адекватной характеристики положения той или иной модели в синтаксической системе целесообразно рассматривать те соотношения, в которые вступает предложение, по всем линиям, выявленным широким пониманием парадигмы предложения, с другой – следует учесть, что указанные линии разные и соотношения, устанавливаемые на их базе, носят принципиально различный характер (Белошапкина 1997:746-747).

В карачаево-балкарском языкознании отсутствует полное представление в интерпретации парадигмы простого предложения. Вместе с тем признается то, что парадигма предложения - это система грамматических форм конструкции по модальности, времени и лицу.

Наиболее полно и системно формы и парадигмы простого предложения рассмотрены в тюркской лингвистике на материале татарского языка М.З.Закиевым. Им выделяются следующие парадигмы: 1) по утвердительно-отрицательности; 2) по цели высказывания; 3) по выражению лица и числа; 4) по наклонениям (реальности/ирреальности); 5) по синтаксическим временам; 6) по очевидности/неочевидности; 7) по залогам; 8) по коммуникативной актуальности (Закиев 1995:258).

В данной работе в понимании парадигмы простого предложения мы придерживаемся той точки зрения, которая представлена в “Татарской грамматике”. В ней она интерпретируется как система синтаксических форм, объединен-

ных каким-либо общим значением. При этом актуализируется то, что “в объединении в соответствующую парадигму большое значение имеет противопоставление форм по значениям, т.е. их оппозитивные отношения, которые осуществляются в виде бинарной оппозиции”. Такая дефиниция парадигмы простого предложения не противоречит существующей лингвистической традиции в ее понимании. Ниже попробуем рассмотреть некоторые формы синтаксических построений на материале карачаево-балкарских паремий.

В тюркском языкознании функционально-семантическая категория утверждения/отрицания признается парадигмообразующей в связи с тем, что она представляет собой одну из категорий, составляющих сказуемость. Отрицание в языке, являясь абсолютной универсалией, изучается во всех разделах современной лингвистики. Сущность его определяется в различных аспектах (как субъективное проявление человеческой психики, как выражение объективной разъединенности, как индикатор с функцией отклонения или коррекции мнения адресата, как форма проявления предикативности, как особая отрицательная модальность). Отрицанию противопоставляется утверждение. Они взаимосвязаны между собой, так как человек, отрицая наличие какого-либо лица, предмета, явления, действия, признака и т.п., тем самым утверждает наличие противоположного.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, на уровне синтаксиса оппозицию составляют формы утвердительных и отрицательных предложений. Конструкции, содержащие в своем составе маркеры отрицания, признаются отрицательными. Конструкции же, в которых они отсутствуют или имеются показатели наличия, считаются утвердительными.

Отрицательная форма в карачаево-балкарском языке имеет различные средства выражения. Для глагольных сказуемых (их достаточно много в составе пословиц и поговорок) характерно присоединение аффикса отрицания =ма/=ме: **Жагъынлы ат къамичиден тоймаз** «Норовистая лошадь не насытится плеткой»; **Иги ат къамичи излетмейди** «Для хорошей лошади плетка не нужна».

Для паремий, хоть и в меньшей степени, присуще употребление и других маркеров отрицания – лексем **түйюл, жокъ**: **Бетсиз адам – эр түйюл** «Бессовестный человек – не мужчина»; **Келечиге ёлюм жокъ** «Для посредника нет смерти». Больше представлены среди паремий утвердительные синтаксические конструкции: **Бёрю къатында ёсен ит къой кесер** «Собака, выросшая рядом с волком, зарежет овцу»;

По своему смысловому содержанию отрицательные предложения отмечаются многообразием. Коррелируя с утвердительными конструкциями, они выражают такие оппозитивные значения, как действие/недействие, наличие/отсутствие, существование/несуществование, принадлежность/непринадлежность, возможность/невозможность, согласие/несогласие и

пр. Однако такая оппозиционность не является характерной чертой паремий, т.е. они не имеют соответствующих пар по линии отрицания/утверждения.

Парадигма простого предложения по цели высказывания в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, является самой крупной. Она основывается на классификации конструкций по цели высказывания (сообщения), принятой в большинстве тюркских языков. Традиционно признается наличие повествовательных, вопросительных, побудительных, восклицательных предложений. Большим функциональным потенциалом среди паремиологических высказываний характеризуются повествовательные и побудительные конструкции.

Повествовательные предложения отличаются наибольшей частотой употребления в вербальной речи. Будучи одним из основных средств выражения мысли, они по выполняемой функции выражают сообщение говорящего, являются ответом на вопрос, обращены к слушателю, а также имеют свои грамматические и интонационные особенности. Повествовательные предложения имеют свои структурно-семантические образцы построения. В них выражаются многие объективно-модальные значения, т.е. в виде простого повествования могут выражаться разные отношения говорящего к действительности. Об этом свидетельствуют следующие примеры: **Агъач уста юйсюз къалыр** «Плотник останется без дома»; **Эрни къыйматын эл биледи** «Мужчину народ оценит»; **Киши элинде – киштик** «В чужом краю – кошка» и др.

Побудительные предложения выражают волеизъявление, которое направлено на осуществление чего-либо. С прагматической точки зрения они выражают приказ, категорическое требование, повеление, просьбу, призыв, совет, пожелание и т.п. В карачаево-балкарских паремиях для выражения этих значений в основном используются глаголы различных ЛСГ в форме императива, ориентированного на 2-е лицо, единственное число: **Биреуню чабырына аягъынгы сукъма** «В чужую лапоть ногу не суй»; **Аш берме да, къаш бер** «Не давай еды, а подари улыбку».

Значителен вклад в развитие языкознания и когнитивного направления. В его рамках язык исследуется как определенный когнитивный механизм, рассматриваются когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку как разумному существу. В лингвистической литературе отмечается, что сейчас языковеды переживают период развития лингвистики, в котором заметно влияние когнитивной науки. Наряду с этим основные принципы описания явлений языка в когнитивной парадигме пока не отличаются ясностью для многих лингвистов, что не в последнюю очередь связано с близостью когнитивной лингвистики в целом ряде отношений с лингвистикой традиционной (Баранов, Добровольский 1997:11). Таким образом, когнитивное языкознание квалифицируется как новое направление, позволяющее связать языковые процессы с познавательной деятельностью человека.

Когнитивизм возник как междисциплинарный эксперимент по изучению особенностей природы, структуры и функционирования сознания. Он нашел логическое продолжение в современной науке о языке. Применительно к лингвистике когнитивизм определяется как “наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных или когнитивных процессов” (Кубрякова 1994:34).

По Ю.Д.Апресяну, эволюция мировой и отечественной лингвистики на современном этапе знаменательна прорывом в макромир языка. Он реализует себя в тенденции к взаимодействию собственно лингвистики с другими дисциплинами широкой гуманитарной направленности. С такими, как этнолингвистика, культурология, фольклористика, мифология, этнография (Апресян 1999:52).

Концептуальная картина мира динамична. Ее ядро составляют понятийные категории, универсальные для всех языков. К числу их относят такие концепты, как время, пространство, экзистенция, квантитативность, состояние, признак и др. Они лежат в основе функционально-семантических категорий языка, репрезентируемых весьма часто в предложении. Выражение данных общих концептов в языке позволяет лингвистам выделять языковую картину мира, отражающую опыт социума на протяжении своей жизнедеятельности. Так, например, Р.Х.Хайруллина отмечает, что, несмотря на единство мира как объекта познания и отображения в языке, разные народы по-своему осмысливают внеязыковую действительность, на что оказывают влияние многие факторы. По ее мнению, национальные особенности языковой картины мира (ЯКМ) проявляются на поверхностном и глубинном уровнях, связанных между собой. Во-первых, допускается существование определенных сигналов национальной принадлежности лексики. Во-вторых, специфика ЯКМ проявляется в способе отображения мира, который выявляется при учете “образа жизни народа, его характера, истории, особенностей духовной жизни, национальной психологии, этнического быта, традиций и обычаев” (Хайруллина 1996:39).

Окружающая человека внеязыковая действительность, жизнь социума в целом проходит сквозь призму индивидуального и коллективного сознания, находит свою реализацию в языке в определенных формах выражения, становится неотъемлемым компонентом коммуникации. Это имеет непосредственное отношение к синтаксису предложения. Многообразие и разносторонность отношений реальной действительности “находит в языке соответствие в определенных синтаксических моделях, основных и вариативных, со всеми их регулярными модификациями и видоизменениями” (Золотова 1982:6).

Человек как биологическое существо характеризуется по своим природным свойствам, различного рода отношениям, психологической деятельности и

эмотивным оценкам. Такая характеристика лица играет большую роль в мировосприятии народа, закрепляется в поговорках и других языковых единицах. Состояние человека может сравниваться с животными, растениями и прочими реалиями: **Сен теке къалкъыудаса** “*Ты в (козлиной) дремоте*”; **Была бары дырын болгъандыла** “*Все они валяются от болезни (лежат, как скошенная трава)*”.

Когнитивизм предполагает антропоцентрический подход к языку. Это должно быть понятно, если принять во внимание то, что человек запечатлел в языке свой образ, отразил в нем все, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Иначе говоря, он “запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе - земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку” (Логический анализ... 1999:3). Действительно, язык насквозь антропоцентричен. Незримое присутствие человека можно заметить на всем языковом пространстве, особенно в лексике и синтаксисе, ибо они взаимодополняют друг друга.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать следующее. В последние десятилетия заметно возросло количество работ, посвященных синтаксической семантике. Благодаря этому, рядом с лексической семантикой, которая до недавнего времени отождествлялась с семантикой в целом, в последнее время формируется перспективная по своим идеям и возможностям семантика синтаксическая. Направление исследований семантики синтаксических единиц представляет собой одно из проявлений активизации в изучении соотношения формы и содержания в языке, и, в частности, в синтаксисе.

Формально-семантический подход к описанию предложений позволяет установить инвентарь структурно-семантических типов простого предложения в карачаево-балкарском языке, являющегося в каждом языке уникальным, а также дает возможность показать взаимодействие между грамматической и семантической структурой указанных типов конструкций.

Установленный лингвистами асимметричный дуализм языкового знака создает в предложении такое же принципиальное соотношение между формой и содержанием, как в языке вообще: “одно означающее – несколько означаемых”, “одно означаемое – несколько означающих”.

Семантику предложения, как и семантику других языковых единиц, невозможно отделить от познания, поскольку она является связующим элементом между теорией языка и теориями других когнитивных способностей, включающих в себя зрительные и слуховые перцепции, управление мышечной системой и др. Когнитивный подход к анализу языковых фактов позволяет показать, что говорящий (пишущий) в зависимости от своего мировосприятия, социального опыта и целеустановки использует всю совокупность когнитивных моделей относительно темпоральных, пространственных и иных отношений,

имеющих в своей основе различные реалии, отражающиеся в системе именного предложения. При этом появляется возможность по-новому истолковать значения компонентов, входящих в семантическую структуру предложения.

ГЛАВА 2. МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

2.1. Предложения с предикатами, выраженными именами существительными

Предложения со сказуемыми, выраженными именами существительными, в подавляющем большинстве случаев имеют подлежащно-сказуемостную, или субъектно-предикатную, структуру. Позицию второго компонента таких конструкций могут занимать имена существительные в различных падежных формах. Способность основного падежа выражать функцию сказуемого ни у кого не вызывает сомнений. Однако сказуемостные функции косвенных падежей не всегда принимаются безоговорочно.

В ряде работ подчеркивается, что употребление именной части сказуемого в косвенных падежах не типично для тюркских языков (Игамбердыев 1965). Другие же авторы такое утверждение считают неправильным. Так, Т.Акрамов на основе своих наблюдений приходит к выводу, что употребление именных словоформ в косвенных падежах в роли сказуемого характерно для узбекского языка и представляет собой “развивающийся фактор” (Акрамов 1965:5-6).

Предложения с предикатами, выраженными именами существительными в основном падеже. Основной падеж имени в карачаево-балкарском языке имеет достаточно большой потенциал функционирования в качестве предиката именного предложения. Такие предикаты обычно ориентированы в основном на субъект, поэтому предложения с ними имеют формулу: подлежащее + сказуемое. Позицию сказуемого при этом занимают имена различных лексико-семантических групп, что не может не отражаться на семантике предложений.

В карачаево-балкарском языке предложения со сказуемыми, выраженными именами существительными в основном падеже, имея одинаковую формальную структуру, отличаются многообразием семантики, что подтверждается фактологическим материалом.

Очень часто человек характеризуется по его трудовой деятельности, а также как специалист в определенной области знаний или практической деятельности. Для этого в карачаево-балкарских фольклорных текстах используются слова типа **малчы** “скотник”, **кьойчу** “чабан”, **чалгьычы** “косарь”, **отунчу** “дровосек”, **чабакьчы** “рыболов” и т.п. Примеры: **Ол уста багьырчыды** “Он искусный жестяник”; **Мен жылкьычыма** “Я табунщик”. В них позицию субъекта занимают имена лиц и их местоименные субституты.

Сравните предложения: **Мен кьартма** “Я старый (старик)”; **Асият сабийди** “Асият - ребенок”. Они характеризуют лицо по возрасту. Однако первое предложение по способу выражения сказуемого можно отнести как к субстантивным, так и к адъективным конструкциям. Общая семантика рассматриваемых предложений за-

ключается в характеристике лица по возрасту.

Некоторые построения в языке характеризуют лицо по половой принадлежности: **Сен эр кишисе** “Ты мужчина”; **Жамилят тиширыуду** “Жамилят - женщина”. Субстантивных предикатов со значением половой принадлежности относительно немного: **жаш** “парень”, **къыз** “девушка”, **къатын** “женщина”, **эр киши** “мужчина”, **тиширыу** “женщина”. Они могут содержать в своем значении и другие семы, о чем свидетельствуют следующие примеры: **Сен уллу жашса** “Ты большой парень”; **Аланы сабийлери бары да жашчыкъла эдиле** “Их дети все были мальчиками”.

Биноминативные предложения передают и отношения тождества: **Мен Жантемирме** “Я Жантемир”; **Ол Барисбийди** “Он Барасби”. Они квалифицируются как предложения идентификации. При этом исходят из того факта, что в них и субъект, и предикат обозначают одно и то же лицо. Их семантика не изменяется и при замене местами компонентов: **Жантемир менме** “Жантемиром являюсь я”.

Значение отношения идентификации гораздо глубже того значения, которое передается предложениями указанного типа. Можно выделить несколько ситуаций идентификации: 1) ситуация детективного поиска, 2) ситуация перехода от знания к знакомству, 3) ситуация “воплощенной мечты”, 4) ситуация узнавания, 5) ситуация идентификации личности. В карачаево-балкарском языке для них мы имеем фреймы следующего типа: **Сени ёлтюрген Ижаланы Муссады** “Убивший тебя является Ижаевым Муссой”; 2) **Иш мен сунганча болмады, сени суйген къарындашынг бу кёреме** “В действительности оказалось не так, как я думал, оказывается, это любимый твой брат”; **Узакъда бир къарелди кёрюндю. Биз сакълагъан да ол болду** (Ш.) “Вдалеке показался один силуэт. Тот, кого мы ждали, оказался им”; **Мен аны олсагъатдан таныдым. Ол мени къоншум эди** “Я его узнал сразу. Это был мой сосед”; **Ол бизни аллыбыз бла ётген жаш болурму?** “Может, это прошедший здесь парень?”.

Ср. предложения: **Бёрю жыртхыч жаныуарды** “Волк - хищник”; **Булбул чыпчыкъды** “Соловей - птица”; **Битгиркоч кёкде учхан чычханды** “Летучая мышь - мышь, которая летает”. Они являются чисто классифицирующими конструкциями, или конструкциями отношения включения. Компоненты таких пропозиций представляют собой привативные оппозиции, имеющие родо-видовой характер. В них слова, выражающие субъект, являются гипонимами, так как обозначают видовое понятие. Предикаты же - гиперонимы, ибо обозначают родовое понятие.

Для значительной части именных (субстантивных) предикатов характерна оценочность. Семантическая структура конструкций с субстантивными предикатами оценочного значения, характеризующими лицо, состоит из четырех компонентов: 1) субъекта оценки (говорящего), 2) объекта оценки (лица), 3) основания оценки, 4) собственно оценки. В реальных высказываниях обычно субъект предложения соответствует объекту оценки, а предикат выражает собственно оценку. Правда, субъект предложения и субъект оценки, если они выражены местоимениями 1-го

лица, могут совпадать. Ср.: **Мен сатхыч тюйюлме** “Я не предатель”.

В карачаево-балкарском языке предложения с предикатами оценочного значения, выраженными именами существительными, характеризуют лицо по различным параметрам, о чем свидетельствуют следующие примеры: **Ай, налат, сен да жалгъанчыса** “Эх, бестия, ты тоже обманщик”; **Ол адам а бир гойра эди** “Этот человек был каким-то дьлдой”; **Сосурукъ амалчы эди** “Сосуруко был находчивым”; **Ол бир байрахта, гажи болур дейме** (“Она, кажется, развратница”; **Ол а кюлтыпыс болгъанды** “Он был дармоедом и т.д.

Многие имена существительные выполняют функцию предикатов состояния. К ним в карачаево-балкарском языке относятся слова типа **батмакъ** “топь”, **буз** “гололедица”, **бууакъ** “изморозь на деревьях”, **бушуу** “горе”, **чыкъ** “роса”, **быжмылдыкъ** “неластье”, **дыгалас** “суета, волнение”, **дырын** “болезненность”, **жалчы** “батрак”, **дууана** “нищий” и др. Они способствуют образованию конструкций с семантикой состояния: **Арбаз батмакъды** “Двор топкий”; **Юйдегилерибиз дырындыла** “Наши домашние больны”; **Ала бусагъатда бушуу-бушмандыла** “Они сейчас в горе”; **Ол жалчыды** “Он батрак”.

В карачаево-балкарском языке в позиции сказуемого, или предиката, получают регулярную реализацию именные словосочетания, главными и зависимыми компонентами которых выступают имена существительные. Подобные сочетания в традиционной грамматике получили наименование изафетных. Их посредством образуются различные конструкции. Передающие значения местонахождения, времени, интерперсональных отношений и др.: **Кийик тауну малыды** “Олень - скот гор”; **Бу кечеле къышны бек узун кечелеридиле** “Эти ночи являются самыми длинными ночами зимы”; **Сатанай Ёрюзмекни къатынды** “Сатанай жена нарта Ёрюзмека”; **Мен сени атангы досума** (М.Т.) “Я друг твоего отца”; **Ол бий Айтекни къанлы жауу болгъанды** “Он был кровным врагом бия Айтека”; **Эмегенле нартланы жауларыдыла** “Эмегены враги нартов”; **Мен ханны юй тюбюнде шапасыма** “Я прислужник хана”.

Ср. предложения: **Жюрек жюрекни ачхычыды** “Сердце - ключ сердца”; **Лакъырда кертини келечисиди** “Шутка - посланник истины”; **Тенгинг сени кюзгюндю** “Твой друг - твоё зеркало”; **Ат эрни къанатыды** “Лошадь - крылья мужчины”; **Къатын юйню гюлюдю** “Жена - цветок дома”; **Къалам тилни тилманчыды** “Перо - переводчик языка”; **Тюлкюню душманы аны терисиди** “Врагом для лисы является её собственная шкура”. Они представляют собой паремии, построенные по образцу рассмотренных выше конструкций со сказуемыми изафетами, которых очень много в языке. Однако их смысл куда глубже. Дело в том, что паремии сообщают не простую информацию об отношении или какой-либо факт, а репрезентируют опыт носителя языка, накопленный им на протяжении жизни. Они носят обобщенный характер и их содержание раскрывается в результате анализа и сопоставления жизненных реалий. Посредством умозаключения мы получаем готовые суждения и штампы, которые невозможно отвергнуть. Так, на-

пример, шкура является врагом для лисы из-за того, что ее убивают ради шкуры. Лошадь же является незаменимым помощником мужчины-воина, труженика, кормильца и т.д., поэтому ассоциируется с крыльями.

Предложения с предикатами, выраженными именами существительными в родительном падеже. Родительный падеж в тюркских языках выражает отношение принадлежности чего-нибудь какому-либо лицу. Поэтому мы можем предикаты, передаваемые этим падежом, называть предикатами принадлежности или обладания. Они являются ядром посессивных конструкций, в которых складываются отношения между предметом владения и собственно владельцем: **Акытамакь Жабэгылыныды** “*Акытамакь принадлежит Жабэгылы*”. Подобные предложения вне контекста не обладают информативной достаточностью, так как подлежащими выражается предмет обладания, который без определения представляется нам неизвестным. Для устранения подобного недостатка такие предложения необходимо распространить определениями, относящимися к неопределенным подлежащим: **Бу батырла миниучю ат энди Айтекниди** “*Лошадь, на которой ездили храбрецы, теперь принадлежит Айтеку*”.

Показателем принадлежности являются и аффиксы =**ныкы/=ники**, =**нуку/=нюку**. Словоформы с указанными аффиксами употребительны в подлежащей и предикативной функциях, причем превалирует последняя функция. Ср. примеры: **Жерники жерди, кёкнюку хауады** (Посл.) “*Принадлежность земли - земля, принадлежность неба - воздух*”; **Кьаргъаныкы - терек башында, кьузгуннуку - терек тюбюнде** (Посл.) “*Принадлежность вороны - на дереве, принадлежность ворона - под деревом*”.

Предложения с предикатами, выраженными именами существительными в дательном-направительном падеже. Дательном-направительном падеже имени в тюркском языкознании обычно относят к падежам с пространственными значениями. Он обозначает направление движения и его предел. Поэтому предложения, сказуемое которых выражено именем в дательном-направительном падеже, обозначают направление движения субъекта и его предел: **Мени аллым Акъ кыаягыды** “*Я (направляюсь) к Ак кае*”. Формально подобные предложения состоят из двух компонентов: подлежащего и сказуемого. Однако их семантическая структура асимметрична формальной устроенности и состоит из трех компонентов: из активного субъекта движения, выраженного формой основного падежа имени, локального конкретизатора (директива) и предиката движения, совмещенных в дательном-направительном падеже. Общая семантика предложений: направление движения как признак активного субъекта.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, позицию сказуемого могут занимать и имена с объектным значением: **Биз Желбыдыргъабыз** “*Мы (идем) к Желбыдыру*”. В таких конструкциях сказуемое служит для выражения локализованного объекта и предиката движения.

Следует различать и предложения типа **Бу кылыч нартлагъады** (Ф.)

“Этот меч (предназначен) для нартов”. Главное их отличие в том, что предикатные лексемы в них обозначают “лицо или предмет, для которого назначается, предназначается какой-либо предмет или действие”. Это предикаты “дестинатива”. В этих и им подобных конструкциях подлежащая позиция замещается словами, обозначающими неличный предмет.

Предложения с предикатами, выраженными именами существительными в местном падеже. В языке существует целая группа конструкций с семантикой местонахождения, где в функции сказуемого мы видим слова с пространственным значением в местном падеже: **Малла таудадыла** “Скот (находится) в горах”. Общая семантика подобных предложений: местонахождение как признак субъекта.

Ср. с предложениями предыдущей группы высказывания типа **Харун кьошдады** “Харун в кошаре”. Сказуемые их имеют пространственное значение. Но в зависимости от конситуации и “угла зрения” участников речи они обозначают как местонахождение, так и место работы, а опосредованно и род деятельности лица: *Аслан работает на ферме (пасет скот, доит коров и т.д.)*.

Для локативных конструкций присуща и событийность: **Къартларыбыз бусагъатда төредедиле** “Наши старики сейчас на тере”. Подобные конструкции характеризуются тем, что обозначают причастность лица (соучастие) к какому-либо событию, мероприятию.

Место сказуемого в предложениях локализации занимают абстрактные имена, которые принимают значение состояния. К ним относятся лексемы типа **кьюуанч** “радость, счастье”, **жарсыу** “горе, печаль”, **гузаба** “суета, тревога” и др., относящиеся к эмотивной лексике. Примеры: **Эл уллу кьайгыдады** “Село в большом беспокойстве”; **Эмегенле энди гузабададыла** “Эмегены теперь в хлопотах”. Эти конструкции обозначают психологическое состояние субъекта и “указывают на интенсивность испытываемого состояния, “погруженность” субъекта в состояние”. Они состоят из двух компонентов: субъекта состояния и предиката состояния.

Предложения с предикатами, выраженными именами существительными в исходном падеже. Одной из основных синтаксических функций исходного падежа считается обозначение им исходного пункта при глаголах движения, удаления от исходной точки, или же - выражение локального конкретизатора, показывающего исходную точку движения. При этом образуются трехкомпонентные глагольные предложения динамической локализации: **Хызыр таудан келеди** “Хизир идет с гор”. Однако в карачаево-балкарском языке это же значение передается и безглагольными предложениями - субстантивными предложениями, состоящими на формальном синтаксическом уровне из подлежащего и сказуемого в исходном падеже: **Хызыр тауданды** “Хизир (идет) с гор”.

Место предиката нередко занимают имена, обозначающие конкретные предметы типа **темир** “железо”, **алтын** “золото”, **кюмюш** “серебро”, **багъыр** “медь”, **топуракъ** “глина”, **таш** “камень” и др.: **Кьошун топуракъданды** “Кувшин из гли-

ны”. В таких конструкциях место второго компонента занимает лексика, обозначающая вещество, материал, из которого сделан, получен предмет. Общая семантика предложений: определение материала, вещества, из которого изготовлен предмет.

В карачаево-балкарском языке исходный падеж передает значения, репрезентируемые и другими падежами, в частности - основным падежом. В доказательство этого можно привести следующие предложения: **Биз бийледенбиз** “Мы из биев”; **Фаризат къулладанды** “Фаризат из холопов”. Таких примеров множество в языке. Каждый из них имеет свою синонимическую пару, представленную предложениями со сказуемыми в основном падеже. Этому способствует оформление исходного падежа в функции сказуемого аффиксом множественного числа.

Во всех приведенных выше предложениях мы имеем предикативно оформленные сказуемые. Вместе с тем в паремиях карачаево-балкарского языка и поэтической речи превалирует употребление падежных форм без аффиксов сказуемости: **Къой семизи - къойчудан** “Жирность овцы зависит от чабана”; **Алтын - ташдан, акъыл - башдан** “Золото - из камня, а ум - из головы”; **Ашлыкь - бюртюкден, жюн - тюкден** “Зерно - из зернышка, шерсть - из волосинки”. В этом случае они воспринимаются как конструкции с элиминированными сказуемыми.

Предложения с предикатами, выраженными послеложно-именными сочетаниями. Как известно, роль послеложных сочетаний в структуре предложений карачаево-балкарского языка значительна. Они передают множество семантических его компонентов. На это не раз обращалось внимание в специальной лингвистической литературе. Вместе с тем на их сказуемостную, или предикативную, функцию в языке не уделено еще должного внимания, чем и объясняется обращение к данной проблеме.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, значительное количество имен с нулевым аффиксом употребляется в сочетании с послелогом и послеложными словами **жапылы, кибик, къарамлы, къылыкьлы, маталлы, шекелли, сыфатлы, тюрсюнлю, чакьлы, тенгли, бетли, сыман**. Все они выражают значение уподобления чему-нибудь или сравнения с кем-, чем-либо.

Указанный класс слов служит для выражения уподобления предметов по различным признакам: внешнему виду, форме, облику, поведению, цвету и т.д. Каждый послелог при этом имеет свою специфику: **Бёрю ит маталлыды** “Волк похож на собаку”; **Ол бир огьурсуз жапылы эди** “Он был свирепого вида”.

Особняком стоит послелог **ушаш** “как, подобный, вроде”, который “управляет дательным падежом, выражает компаративные отношения, указывая на лицо или предмет, с которым сравнивается другое лицо или предмет”: **Жаякъларынг айгья ушашдыла** “Твои щеки подобны луне”.

Отмеченное характерно и для послелога **кибик**, хотя последний находится в более выгодном положении. Данный послелог в языке обладает большим функционально-когнитивным потенциалом, чем остальные послелогии с этим же значением.

Это связано не только с наличием у него грамматических категорий имени, но и с сочетаемостными потенциями. Он сочетается с именами и причастиями различной семантики, что способствует выражению сравнения предметов по различным признакам, явлениям и действиям. Примеры: **Ол кылычны ауурлугъу доммай кибикди** (Ф.) “Тяжесть этого меча подобна зубру”; **Тиширыгусуз юй иесиз мал кибикди** (Посл.) “Дом без женщины, что скотина без хозяина”; **Сабийсиз тиширыу кёгетсиз терек кибикди** (Посл.) “Женщина без детей подобна бесплодному дереву”; **Окьугъан ийне бла кёр къазгъан кибикди** (Посл.) “Учиться равносильно тому, чтобы копать яму иголкой”; **Болмагъан бла туумагъан бир кибикди** (Посл.) “Небытие и не родиться – это одно и то же”.

Компаративные конструкции со значением уподобления образуются и на базе предложений со сказуемыми, оформленными аффиксами =лай/лей, =ча: **Бу алмала саулай сенидиле** “Эти яблоки целиком твои”; **Эр бла къатын боюнса бла чомачадыла** (Посл.) “Муж и жена подобны ярму и итырю (части ярма)”; **Ныгъыш бал чибин уячады** “Завалинка подобна пчелиному улью”; **Аны кёзлери танг жулдузунлайдыла** “Ее глаза похожи на утреннюю звезду”. Все эти построения входят в поле сравнения.

Самостоятельную модель предложения образуют конструкции со сказуемыми, выраженными сочетаниями имен с послелогом **кёре** “судя по, сообразно с, по”, который управляет дательно-направительным падежом. При нем предмет, названный в дательном падеже, является источником для сопоставления или суждения, источником информации о другом предмете или основанием, согласно которому совершается действие. Это накладывает свой отпечаток на семантику предложения в целом: **Тирлик урлукъгъа кёреди** (Посл.) “По семенам и урожаю”; **Тепсеу къарсха кёре болады** (Посл.) “Танец бывает по хлопкам”; **Ашагъанынгы кёбю, азы ашха кёреди** (Посл.) “Аппетит зависит от еды”; **Къатын эрине кёре болады** (Посл.) “Жена соответствует мужу”.

Самую большую группу по количеству и выражаемым оттенкам значений составляют послелогом и послеложные имена с пространственной семантикой. Это должно быть понятно, если учесть то, что пространство является основной формой бытия. Человек с самого рождения имеет дело с пространством, воспринимает и дифференцирует его, ориентируется в нем. Выражение пространственных отношений обусловлено эгоцентричностью человека. “Он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию” (Гак 1998:702).

Отмеченное не оставляют без внимания и языковеды-тюркологи. “Названия частей тела человека со временем в силу материальной конгерентности мышления древнего человека в порядке расширения значения слова по ассоциации сходства и смежности переносились на ближайшие предметы, окружающие людей, т.е. люди стали говорить, например, о “боке”, “переде”, “спине”, “животе” дома” (Петров 1963:9). Далее сфера переноса расширяется. Как пишет А.М.Щербак, “части тела и органы человека в качестве отправных пунктов пространственной ориентации по-

следовательно дополнялись одеждой, основными моментами и особенностями его деятельности” (Щербак 1987:59). Об этом говорят следующие примеры: **Бу жигит-ле бюгюн Минги тауну тѣппесинедиле** “*Эти джигиты сегодня (направляются) на вершину Эльбруса*”; **Биз Минги тауну этегинебиз** “*Мы (направляемся) к подножью Эльбруса*”; **Атла суу жагъагъадыла** (М.Т.) “*Лошади (направляются) к берегу реки*” и т.д.

Если эти конструкции обозначают финиш движения, то предложения, в которых послелого и послеложные имена оформлены исходным падежом, передают ситуацию движения от ориентира, обозначают старт движения: **Айтек Хазнар тауну тѣппесинденди** (Ф.) “*Айтек (идет) с вершины горы Хазнар*”.

Локальные предикаты связаны не только с движением, но и с местонахождением. Это обусловлено тем, что послеложные имена оформляются аффиксами местного падежа: **Ол Хазнар тауну тѣппесинденди** (Ф.) “*Он (находится) на вершине горы Хазнар*”. Рассмотренный материал свидетельствует о широте значений и функций послеложных сочетаний. Они дают нам богатый материал не только в плане анализа синтаксических единиц, но и отражают мировосприятие социума.

2.2. Предложения с предикатами, выраженными именами прилагательными

Основной синтаксической функцией прилагательного считается атрибутивная. Однако не менее значимо выполнение им функции предикативной. И в том, и в другом случае оно “привязано” к тому, что характеризует. В основном - к имени существительному, что говорит о их неразрывной связи.

Прилагательные, как и другие части речи, имеют валентность. В карачаево-балкарском языке они в основном одновалентны. Встречаются и бивалентные адъективы, поэтому это позволяет нам делить модели предложений с такими предикатами на одноместные и двуместные.

Одноместные предложения с предикатами, выраженными прилагательными. Имена прилагательные относятся к слою лексики, предназначенному для выражения признака предмета. Они характеризуют предмет по разнообразным особенностям, соотносимым в нашем сознании с “эталоном”, “точкой отсчета”, “нормой”, которые имеют субъективно-объективный характер (Шрамм 1979:1-20). Это подводит к тому, что указанный класс слов неразрывно связан с категорией оценки.

Предикаты-прилагательные в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, бывают общеоценочными и частнооценочными. Они передают и “мелиоративную” (положительную), и “пейоративную” (отрицательную) оценку.

В карачаево-балкарском языке ядро общеоценочных предикатов составляют прилагательные типа **аман** “*плохой*”, **осал** “*паршивый*”, **иги** “*хороший*”, **аламат** “*замечательный*”, **тамаша** “*чудесный*” и им подобные: **Кырдык да аламат эди** “*И*

трава была замечательной”; **Хар зат иги, тамашады** “*Все хорошо, прекрасно*”. Такие построения выражают общую оценку с точки зрения положения предмета в классе подобных предметов или с позиции оценивающего субъекта. Их общая семантика: оцениваемое понятие, событие и данная ему предикативная оценка. Структура их двукомпонентна и состоит из грамматического субъекта оценки и предиката оценки

В отличие от общеоценочных, частнооценочные предикаты-прилагательные имеют как сему оценки, так и указывают на объективные свойства предметов. Они выражают оценку по какому-либо одному признаку (параметру) и тяготеют к эмпирическим адъективам. В адъективных предложениях позицию предиката очень часто занимают имена прилагательные со значением состояния. При этом позиция подлежащего замещается словами, обозначающими личные и неличные субъекты. Семантическая структура таких конструкций двукомпонентна и состоит из субъекта состояния и предиката состояния.

Предикаты состояния подразделяются на четыре большие группы: предикаты физического состояния, предикаты физиологического состояния, предикаты психологического состояния, предикаты социального состояния. Предложения с указанными предикатами также делятся на соответствующие группы. Здесь мы ограничимся приведением ряда примеров: **Ингир салкъынды** “*Вечер прохладный*”; **Тар къаппа-къарангыды** “*Ущелье очень темное*”; **Жолла тайгъакдыла** “*Дороги скользкие*”; **Малла токъдула, тоюпдула** “*Животные сыты, наелись*”; **Анабыз къарыусузду** “*Мать немоцна*”; **Таула шошдула** “*Горы спокойны*”; **Биреу жан къайгылы, биреу мал къайгылы** (Посл.) “*Кто беспокоится за свою жизнь, а кто - за скотину*”; **Была жаланбыдырладыла** “*Они нищие*”.

Адъективная лексика большей частью связана с миром человека. Она призвана отражать черты характера и другие свойства лица. Предикаты характеризуют человека, людей по различным признакам, свойствам: **Жолоучу масхапсыз болгъанды** “*Путник был нетактичным, непорядочным*”; **Къарындашын да рахмулуду сени** “*И брат твой очень милосердный*”; **Эр киши таукел болуучуду** (Ф.) “*Мужчина бывает смелым*”; **Аман къатын жаншакъ болур** “*Плохая женщина бывает болтливая*”; **Эфенди жут, малкъёз болгъанды** “*Эфенди был алчный, жадный*”; **Ол да бир жанжатды** “*Он любит лежать на боку*”; **Сиз уллубыдырла, къазанкъырласыз** “*Вы большепузые, прожорливые*”.

Существенным атрибутом предложений, характеризующих мир человека, его отношение к чему-либо, является оценочность. Оценочный компонент предикатов-прилагательных наиболее ярко выражен в пословицах, в которых аккумулярован жизненный опыт человека за все время своего существования. Звуки, поведение и другие реалии с точки зрения когнитивной картины мира - это его свойства, но вместе с тем и “особая социальная сфера жизнедеятельности людей, характеризующаяся определенными нормами” (Васильев 1999:46). Именно отображение этого и является основной функцией паремий: **Аман къатын жагъынлы болур** “*Пло-*

хая жеңица бивает капризной”; **Биреу - амалсыз, биреу - иймансыз** “Один беспомощный, а другой нечестный”; **Ауузу - кука, кьолу - жукья** “Язык угодлив, рука пуста, скудна”; **Сёзю - кукалы, жюреги - зар** “Слова угодливы, а сердце завистливо”; **Къызлы юйде келин къызмар** “В доме, где есть девушки, невестка скупая”; **Ортадагы - оразлы** “Кто посередине, тот благородный”; **Кёлсюзден туугъан - сёзсюз** “Родившийся от малодушного является бессловесным”; **Эр жолдашы болгъан таукелли болур** “У кого в спутниках есть мужчина, тот бывает решительным”; **Мурдар адам уубет болур** “У убийцы бывает злое лицо”.

Рассматриваемый класс предикатов употребляется иногда и для обозначения нрава и других свойств животных. Эта функция выполняется при посредстве значительного количества адъективов, ориентированных, как правило, на животный мир: **Эшек чочууукъ болур** (Посл.) “Ишак бивает брыкливым”; **Къарашауайны аты къушжетерди** “Лошадь Карашауая быстрая”; **Аналы къозу - чёрчек, анасыз къозу - бузжюрек** (Посл.) “Ягенок, имеющий мать, озорной, а ягенок, не имеющий матери, равнодушный”; **Иги итни биргесине тургъан кючюк къайыр болур** (Посл.) “Щенок, который находился рядом с хорошей собакой, бивает злым”; **Балалы тауукъ къайгылы болур** (Посл.) “Курица с выводком бивает кудактающей”; 8) **Ач ит жортууукъ болур** (Посл.) “Голодная собака бивает рысистой”. Рассмотренный здесь материал доказывает то положение, согласно которому предложения, имея одинаковую синтаксическую структуру, отличаются многообразием смысловой устроенности.

Двуместные предложения с предикатами, выраженными прилагательными. В подобных предложениях позицию предиката обычно занимают двувалентные прилагательные. Многие конструкции построены по схеме $C_1 - C_3 - ПР$. Функционально эта структура представляет собой формулу: подлежащее + дополнение + сказуемое. Дополнение в них представлено именами в дательном-направительном падеже. Позицию сказуемого предложений, построенных по данной формуле, могут занимать лишь отдельные группы прилагательных.

Некоторые построения указанной схемы имеют общую семантику: выражение отношения личного субъекта к кому-, чему-либо: **Обур къоншусуна ёч болур** (Посл.) “Ведьма пристрастна к своему соседу”. В таких предложениях позиция подлежащего замещается лишь словами, обозначающими лиц. Они состоят из субъекта отношения, объекта отношения и предиката отношения.

Двувалентные прилагательные в карачаево-балкарском языке наиболее употребительны в качестве предикатов сравнительных конструкций. Известно, что сравнение - одно из мощных средств познания окружающей действительности. Это говорит о том, что без него не может обойтись ни одна наука, поскольку сравнение - это обязательный мыслительный процесс во всех науках. В предложениях рассматриваемой семантики сравнение предметов ведется по различным основаниям. Лучшие образцы подобных конструкций представлены в пословицах. В них сравнение проводится на основе накопленного социумом опыта на протяжении многих

веков, о чем говорят следующие примеры: **Байлыкьдан эсе иги кылыкъ игиди** “*Воспитанность лучше богатства*”; **Байлыкьдан саулукь игиди** “*Здоровье лучше богатства*”; **Билим алтындан багъалыды** “*Знания дороже золота*”; **Дунияда таш къаты, ташдан да баш къаты** “*В мире крепче всего камень, крепче его голова*”; **Керти кылычдан да жютюдю** “*Правда острее меча*”; **Къапталдан кёлек жууукьду** “*Рубашка ближе казакина*”. В подобных построениях слова, обозначающие сравниваемые предметы, нередко имеют свои определения, без которых смысл конструкций становится неясным: **Окъ жарадан сёз жара аманды** “*Рана от слова хуже раны от пули*”; **Озгъан ишден тюш да игиди** “*Сон лучше прошедшего события*”; **Татлы сёз балдан татлыды** “*Сладкое слово слаще меда*”; **Сыфаты ариудан кылыгы ариу насыплыды** “*Красивый по воспитанию счастливее красивого по внешности*”; **Толу хуржундан таза жүрек игиди** “*Чистое сердце лучше полного кармана*”; **Харам къарындашдан халал тенг игиди** “*Бескорыстный друг лучше злонамеренного брата*”.

Рассмотренные конструкции состоят из именных компонентов. Вместе с тем в языке немало предложений, в структуру которых входят инфинитивы, причастия и обороты, образуемые ими. В результате этого смысловая структура таких построений осложняется, так как в них сравниваются не только предметы, но и действия, события: **Алим болгъандан адам болгъан кыйынды** (Посл.) “*Тяжелее быть человеком, чем стать ученым*”; **Бешге баш болгъандан эсе, онбешге аякъ болгъан кыйынды** (Посл.) “*Труднее быть ногами у пятнадцати, чем быть головой для пятерых*”; **Ётюрюк айтхандан анга тынгылагъан кыйынды** (Посл.) “*Легче самому лгать, чем слушать ложь другого*”; **Кесинги кийим бла омакълагъандан эсе, билим бла омакъласанг игиди** (Посл.) “*Чем наряжать себя одеждой, лучше украшать себя знаниями*”; **Кёп жашагъандан эсе, кёпню кёрген игиди** (Посл.) “*Лучше много видеть, чем много жить*”.

2.3. Предложения со сказуемыми, выраженными предикативами

Синтаксические конструкции с указанными предикатами **бар**, **жокь** образуют классические бытийные предложения. Они выражают наличие или отсутствие предмета, состояния, события, действия и т.д.: **Мында бир тамашалыкъ барды** “*Здесь есть нечто интересное*”; **Ол байда юч жаш барды** “*У этого богача есть трое сыновей*”; **Ол эмегенни бир огъурсуз жапысы бар эди** “*У того эмегена был злой вид*”.

Предикаты **бар** и **жокь** широко представлены в поговорках карачаевцев и балкарцев. Они ориентированы на внеязыковую действительность и дифференцируют информацию, типы знаний, полученные в результате жизненного опыта человека: **Телини уллусу, гитчеси жокьду** “*Дурак не бывает большим или маленьким*”;

Тилчини ийманы, дини да жокъ “У сплетника нет веры и религии”; **Иши жокъ-ну кючю жокъ** “У кого нет дела, у того нет и силы”; **Айны да барды таплары** “И на луне есть пятна”; **Жауу барны досу да бар** “Имеющий врага имеет и друга”; **Тюеден кючлю жел да барды** “Есть ветер, который сильнее и верблюда”.

Построения с предикатом **керек** выражают нужность, необходимость чего-либо или совершения действия. Эта лексема в тюркском языкознании признается как лексико-грамматическое средство выражения алетической и деонтической модальности. В карачаево-балкарском языке “идеальными” конструкциями, передающими деонтическую модальность, являются пословицы со сказуемыми, выраженными указанным словом: **Шагъырей болургъа да эс керекди** “Для знакомства тоже нужна сообразительность”; **Темир юйге да чюй керекди** “Гвоздь нужен и для железного дома”; **Ойнагъан ачыуланмазгъа керекди** “Играющий не должен злиться”; **Тогъуз кюн жашар жерде сегиз кюн ишлерге керекди** “Где будешь жить девять дней, там необходимо восемь дней трудиться”.

Необходимо включить в класс предикативов и слово **ырыс**. Оно в абсолютном большинстве случаев употребляется в предложении как сказуемое: **Атны башына ургъан ырысды** “Бить лошадь по голове нельзя”; **Байрым эркекни ёлтюрген бек ырысды** “Убивать удода большой грех”; **Кече тырнакъ кесген ырысды** “Ночью нельзя стричь ногти”. Эти предложения состоят из подлежащего, выраженного причастным оборотом, и сказуемого. В языке наблюдается замена лексемы **ырыс** словом **жарамайды** “нельзя”. Это связано с их прагматической функцией - запретом или предостережением: **Юй ичинде сызгъыргъан ырысды // Юй ичинде сызгъырыргъа жарамайды** “Нельзя свистеть в доме”. Подобные примеры широко представлены в фольклоре.

2.4. Предложения с глагольными предикатами

В двусоставных паремиологических высказываниях значительным функционально-семантическим потенциалом в качестве предикатов отмечены глаголы движения. Они открывают позиции в основном трех типов семантических конкретизаторов, обозначающих: а) конечную точку движения, б) исходную точку движения, в) местонахождение. Эти элементы конструкций представлены формами дательного-направительного, местного и исходного падежей. Позицию субъекта в них занимают слова абстрактной семантики и лексемы, ориентированные на флору и фауну. Об этом свидетельствуют следующие примеры: **Акылы сыфатдан керикет кетмез** «Ум не уйдет далеко от внешнего вида»; **Киштик болмагъан жерде чычхан тебеге чыгъар** «Где нет кошки, там появится мышь»; **Жолоучу жолда къалмаз** «Путник не останется на дороге» и т.п. В ряде случаев в паремиологических высказываниях рассматриваемого типа конкретизаторы имеют семантику условия, способа передвижения и времени: **Тели жанкъоз эртте чыгъар** «Глупый подснежник появится рано»; **Желсиз чапы-**

ракъ кымылдамаз «*Без ветра лист не пошевелится*»; **Къоркъгъан баппуш арты бла жюзер** «*Испугавшаяся утка задом поплывет*». Личный субъект в конструкциях с предикатами движения имеет специфику репрезентации. Он выражается в основном прилагательными и причастиями. Как правило, эти формы ориентируется на репрезентацию атрибута (определения). Но многие паремии представляют собой неполные предложения. В них, например, имена существительные, обозначающие лицо, элиминируются, в результате чего функции существительного принимают на себя их определения. Ср.: **Базынмагъан бузгъа кирмез** «*Не надеющийся на себя (человек) на лед не пойдет*»; **Ырахатны терк жетмез** «*Спокойного быстрый (человек) не догонит*».

В конструкциях рассматриваемого типа в качестве обязательных элементов используются различные атрибуты, которые исследователи обычно не вводят в структурную схему (модель) предложения. Но без них паремия теряет не только свою семантику, но и становится ущербным в плане прагматики. Примеры: **Тойгъан жерде ит къалыр** «*Там, где наестся, собака остается*»; **Акылы башха догъура чыкъмаз** «*На умной голове шишка не выскочит*»; **Акылыны жангылгъаны телини озар** «*Ошибающийся умный дурака обгонит*».

В большинстве случаев предикаты движения обозначают не столько первичные значения соответствующих глаголов, сколько вторичные, несколько отдаленные от понятия движения: **Эр антындан къайтмаз** «*Мужчина от клятвы не откажется*»; **Аман тюпде къалыр** «*Плохой всегда остается внизу*» и др.

Все рассмотренные выше предикаты употребляются в форме основного залога. Но имеет место и функционирование их в форме понудительного залога: **Къарынынг къанлынга кийирир** «*Твой живот заведет (тебя) и к кровнику*»; **Элни тюркюрюгю тирмен айландырыр** «*Плевок народа будет крутить мельничные жернова*». Представленные здесь модели паремий с предикатами движения являются в основном двух- и трехместными, в них глаголы употребляются как в положительной, так и в отрицательной форме. Кроме того, они в целом не снабжены специализированными предикативными аффиксами. Это присуще, как правило, для глагольных лексем будущего времени.

Следующую большую группу предикатных лексем в паремиях составляют предикаты, выраженные глаголами действия. Эти глаголы обычно обозначают воздействие субъекта на объект. По своей природе подобное воздействие так же многообразно, как и сама человеческая деятельность. Как показывает фактологический материал, подобные предикаты являются в основном двухместными и по своей семантике выражают: а) созидательное действие, б) прием пищи, в) разрушительное действие, г) частичное изменение объекта. Эти предикаты открывают позиции для субъекта и объекта: **Базынмагъан базук сындырмаз** «*Не надеющийся на себя не ломает плечевую кость*»; **Тамычы таш тешер** «*Капля пробьет камень*»; **Таукел тау аудурур** «*Уверенный в себе гору*»

перевернет».

Очень часто конструкции рассматриваемого типа вбирают в себя также семантические конкретизаторы и атрибуты, характеризующиеся многообразием значений: **Тели азыгъын алгъа къабар** «Дурак свою еду раньше закончит»; **Эр ашарыгъын таш тубюнден чыгъарыр** «Мужчина свою долю (еды) вытащит из-под камня»; **Аман ажир юлюшюн чачар** «Плохой жеребец свой табун разгонит»; **Иги алманы къурт ашар** «Хорошее яблоко червь съест»; **Ит кючюк, ойнай-ойнай, къозу кесер** «Щенок играючи ягненка зарежет».

Некоторые высказывания имеют субъектно-предикатную структуру, что характерно для наиболее абстрагированных моделей с предикатами действия: **Ишлемеген тишлемез** «Кто не работает, тот не ест»; **Ишлеген ишленир** «Работающий будет отесан»; **Чёплеменген кёплемен** «Не собирающий по стебелькам не умножит». Все компоненты подобных конструкций выражаются причастными формами глагола.

В карачаево-балкарском языке субъектно-предикатную структуру имеют предложения, в которых позицию субъекта занимают глаголы состояния, причем состояние ориентировано не только на лицо, но и на предмет. Субъект при этом выражается различными частями речи и причастиями прошедшего времени: **Эринмеген ахсынмаз** «Не ленищийся переживать не будет»; **Жарлы жарымаз** «Бедняк не обрадуется»; **Айрандан кеф жайыкъмаз** «Пьяный от айрана в себя не придет». В них субъект является личным. Если субъект неличный, то лексем с субъектным значением начинают употребляться с атрибутами: **Терен суу бокъланмаз** «Глубокая вода не загрязнится»; **Жатхан бёрютокъ болмаз** «Волк-лежебока сыт не будет»; **Созулгъан иш жарымаз** «Затянувшаяся работа радости не принесет»; **Ишлеген балта тот болмаз** «Рабочий инструмент (топор) ржаветь не будет»; **Азыкълы ат арымаз** «Сытая лошадь не устанет».

В зависимости от того, глаголы каких лексико-семантических групп занимают позицию предиката, конструкции могут расширяться и за счет лексем с объектным значением, которые употребляются в различных падежных формах и в сочетании с послелогом. Примеры: **Оюмсуз жюрюген ажалсыз ёлюр** «Кто ходит необдуманно, тот умрет раньше назначенного срока»; **Чычханлагъа киштик да арслан кибик кёрюнюр** «Для мышей и кошка кажется львом»; **Эсли киши ишине къууаныр** «Умный муж обрадуется своей работой»; **Иш кесинден къоркъар** «Работа самого себя боится»; **Мадар къарын тойдурур** «Способ живот насытит».

Особого внимания заслуживают паремилогические высказывания, представляющие собой неполные предложения. Их необходимо рассматривать с точки зрения языковой экономии, которая обычно интерпретируется как универсальная категория, присущая всем языкам мира, характеризующаяся стремлением экономить, избегать чрезмерных затрат физиологических и иных уси-

лий при пользовании вербальной речью и проявляющаяся во всех уровнях языковой системы.

Многие паремии, представляющие собой неполные предложения, могут употребляться самостоятельно, т.е. иметь структуру простого предложения. В них тот или иной невербализованный компонент «восполняется не за счет контекста окружающих его предложений, а благодаря собственному лексико-грамматическому составу» (Бускунбаева 2008: 109). В основном в таких паремиллогических высказываниях незамещенным оказывается позиция сказуемого. Примеры: **Ана кёлю – балада, бала кёлю – талада** «*Мать думает о детях, а дети о чем-то далеком*»; **Элбай – жууртха, Кьойбай – кьуутха** «*Эльбай – на густой айран, Койбай – на толочно*». Второстепенные конститuentы таких предложений, с одной стороны, репрезентируют свое лексическое значение, с другой – семантику элиминированных глагольных сказуемых, при этом преобразовываясь в сказуемые благодаря логическому ударению. Конечно же, лексико-грамматический состав таких предложений практически безошибочно дает возможность восстановить элиминированные конститuentы. Но восстановление характеризуется бифуркативностью. Во-первых, можно выявить недостающий компонент. Во-вторых, можно получить предложения с совершенно с иными значениями различной стилистической маркированностью.

Неполные предложения, безусловно, широко употребительны в разговорной речи, когда речь характеризуется спонтанностью, неподготовленностью. Паремии также являются порождением устной разновидности речи. Они отвечают основным критериям неполного предложения, которое представляет собой особую синтаксическую конструкцию, отличающуюся от полного предложения наличием имплицитных элементов, восполняемых вспомогательными средствами общения (контекст, ситуация, невербальные средства, просодика и т.д.), обладающей смысловой полнотой. Для паремии важна также воспроизводимость в готовом виде.

Среди паремий значительным функционально-семантическим потенциалом обладают эллиптические высказывания, в которых обычно опущены сказуемые. Наиболее распространенными эллиптическими паремиллогическими высказываниями, в которых в сказуемое преобразуется тот или иной второстепенный конститuent, можно выделить следующие:

1. Глагольное сказуемое элиминируется, когда основную смысловую нагрузку берут на себя обстоятельства, выраженные формами пространственных падежей: **Эр – элинде, тегене – жеринде** «*Мужчина – в своем родном селе, корыто – на своем месте*»; **Отдан чыкъ да – жалыннга** «*Из огня да в полымя*».

2. Глагольные сказуемые не вербализуются, когда второстепенным членом является дополнение: **Кьоркъакъ – дуниядан юлюшюз** «*Трус – без доли от мира*»; **Ётюрюкге – тюкюрюк** «*На ложь – плевок*»; **Алтын – ташдан,**

акьыл – башдан «*Золото – из камня, ум – из головы*»; **Сокьур тауукьгьа бары да – тау** «*Для слепой курицы все – горы*».

Значительную группу представляют собой конструкции, в которых отсутствуют связочные глаголы: **Кюн ёзеге – от, ёзден ёзеге – ёт** «*Сердцевина Солнца – огонь, стержень узденя – смелость*»; **Кьоркьакь ёзден – кьулдан аман** «*Трусливый уздень – хуже холопа*»; **Эрни жашауу – азат** «*Жизнь мужчины – воля*».

Эллиптическими могут быть не только двусоставные конструкции, но и односоставные: **Арыгьан ёгюзге – чириген салам** «*Уставшему волу – гнилая солома*»; **Арыкь атха – айланч жол** «*Для худой лошади – трудная дорога*»; **Ауругьан башха – темир тьякь** «*Для больной головы – железная палка*» и др.

Таким образом, глагольные конструкции также характеризуются многообразием форм и широким спектром значений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложение является многоаспектной синтаксической единицей языка. В силу этого оно требует к себе внимания с разных сторон. В современной лингвистике в процессе адекватного описания простого предложения значительное место занимает исследование проблем, связанных с его членением. При этом синтаксисты выделяют грамматическое, структурное, семантическое, синтагматическое и коммуникативно-синтаксическое (актуальное) членения предложений.

Структурно-семантическое членение простого предложения изучено недостаточно. В целях выполнения этого пробела мы рассмотрели ряд вопросов, которые не только в карачаево-балкарском языкознании, но и во всей тюркологии пока не нашли своего полного решения. К ним относятся вопросы о валентности предиката, факультативных и необходимых компонентах формальной схемы предложения, лексическом наполнении мест такой схемы, наборе семантических компонентов

предложения, семантической структуре предложения, его формально-семантической модели. Разграничение факультативных и моделиобразующих членов предложения позволяет установить в каждом отдельном случае состав формальной (структурной) схемы предложения.

Собранный и изученный нами языковой материал убеждает нас в том, что структурную схему предложения нужно понимать не как его предикативную основу, а как номинативный минимум, который во многих случаях включает в себя не только субъект и предикат, но и различные распространители (семантический объект, семантический конкретизатор, семантический атрибут), способствующие тому, чтобы предложение вне контекста выражало определенное типовое значение.

Семантику предложения определяет лексика, заполняющая его синтаксические позиции. Семантика элементов предложения в первую очередь зависит от характера предиката, от его синтагматических связей. Все слова языка объединяются в лексико-семантические группы, а синтаксические позиции предиката, да и других семантических компонентов предложения, замещаются словами определенных ЛСГ. Это позволяет нам рассматривать семантические свойства целых классов слов, что помогает показать, какие группы слов заполняют различные позиции структурных схем предложения. Только такой подход позволяет установить количество и качество семантических структур, выражаемых каждой схемой.

Предложение имеет двусторонний характер. Его форма и содержание не могут характеризоваться полным параллелизмом, симметричностью. Адекватное изучение предложения обусловлено тем, насколько полно учитывается его формальная и содержательная стороны, их взаимодействие. Только решение этой задачи поможет дать целостную картину о системе синтаксических единиц.

Обращение к семантике и лексике предложения является основной закономерностью развития синтаксической науки. При этом мы убеждаемся в том, что многое дает для понимания природы предложения максимальное обогащение семантического описания. К этому можно прийти путем вовлечения в него информации о мире, которая аккумулирована в значении компонентов синтаксических единиц. Роль их значительна в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира.

Предложение отражает ту или иную внеязыковую реальность. Семантический анализ предложения позволяет нам показать, как организована его семантическая структура, отражающая определенную ситуацию. При анализе предложения возможен расчлененный подход к изучению его формальной и содержательной структуры. Такой подход к изучению синтаксических единиц помогает нам проследить процесс лексического наполнения “мест” формальной

схемы предложения, что, в свою очередь, позволяет установить закономерности взаимодействия лексики и семантики.

Семантические компоненты предложения являются обобщенными и типизированными элементами семантической структуры предложения, которые складываются в результате их взаимодействия. Такая структура не простой набор или совокупность смысловых элементов. Она определяется и соотношениями между компонентами предложения.

Анализ языкового материала подчеркивает справедливость ориентации семантических исследований на человека, на его логику и восприятие им окружающей действительности как в плане диахронии, так и в плане синхронии. Особенно важны для этого фольклорные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В.Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. - М.: Наука, 1968. - С. 232-291.

Адмони В.Г. Структурно-смысловое ядро предложения // Члены предложения в языках различных типов. - Л.: Наука, 1972. - С. 35-50.

Акрамов Т. Именное сказуемое в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1967. - 19 с.

Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. - 351 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. - 367 с.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. - 1999. - т. 58. - №4. - С. 39-53.

Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. - Киев: Головное издательство издательского объединения "Вища школа", 1984. - 159 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 383 с.

Ахматов И.Х. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. - Нальчик: Эльбрус, 1968. - 164 с.

Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке: (Основные вопросы теории). - Нальчик: Эльбрус, 1983. - 360 с.

Бабайцева В.В. Семантика простого предложения // Предложение как многоаспектная единица (Русский язык). - М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1983. - С. 7-24.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. - 1997. - Т.56. - №1. - С.11-21.

Баскаков Н.А. Простое предложение в каракалпакском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 62-72.

Белошапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык. - М.: Азбуковник, 1997. - С. 606-868.

Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики // Известия АН СССР. - Серия литературы и языка. - 1981. - №6. - С. 483-495.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. - 576 с.

Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. - Уфа: Гилем, 2008. - 140 с.

Васильев Л.М. Предикаты свойства как один из семантических классов лексики и фразеологии // Исследования по семантике: Теоретические и прикладные аспекты. - Уфа, 1999. - С. 41-47.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996. - 416 с.

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985. - С. 5-15.

Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. - 768 с.

Гладров В. К типологии простого предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С.36-48.

Дмитриев Н.К. Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 19-49.

Додуева А.Т. Структура и семантика предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 2003. - 128 с.

Закиев М.З. Татарская грамматика. Т.III. Синтаксис. - Казань, 1995. - 576 с.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 351 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 368 с.

Иванчикова Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. - 1965. - №5. - С. 84-94.

Игамбердыев Б. Выражение сказуемого в простых предложениях в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Самарканд, 1965. - 26 с.

Кароляк С. Об обязательных и факультативных компонентах высказывания // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. - М.: Наука, 1974. - С. 147-158.

Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. - 1948.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.

Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2000. - 145 с.

Кибардина С.М. Валентность немецкого глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1988. - 34 с.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. - 1994. - №4. - С. 34-46.

Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентности // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - Вып. 5. - С. 1-15.

Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. - М.: Индрик, 1999. - 424 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 198 с.

Петров Н.Е. Служебные имена и послелогои в якутском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1963. - 21 с.

Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. - Киев: Вища школа, 1971. - 191 с.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. - М.: Наука, 1982. - 709 с.

Сафаев С.А. Исследования по синтаксису узбекского языка. - Ташкент: Фан, 1968. - 161 с.

Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике // Иностранные языки в школе. - 1973. - №6. - С. 12-22.

Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. - М.: Высшая школа, 1978. - 259 с.

Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. - Калинин, 1980. - 51 с.

Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Новосибирск, 1994. - 22 с.

Тикеев Д.С. Исследования по синтаксису простого предложения современного башкирского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа. - 1999. - 58 с.

Тыбыкова А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. - 228 с.

Филичева Н.И. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов // Вопросы языкознания. - 1967. - №2. - С. 118-125.

Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). - М.: Прометей, 1996. - 147 с.

Храковский В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985. - С. 65-76.

Хуболов С.М. Предложения с моновалентными предикатами - фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. - Нальчик: Книга, 2002. - 147 с.

Черемисина М.И. Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. - 1995. - №4. - С. 63-68.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). - Л.: Наука, 1987. - 151 с.

Юрченко В.С. Философские и лингвистические проблемы семантики. - Саратов, 1993. - 48 с.

Шведова Н.Ю. Построение раздела «Синтаксис словосочетания и простого предложения» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1966. - С. 128-166.

Шведова Н.Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопросы языкознания. - 1968. - №2. - С. 39-50.

Научное издание

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович

**Структурно-семантическая организация простого предложения
в карачаево-балкарском языке
(на материале фольклорных и публицистических текстов)**